

ЭЛИТНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА (КРАТКИЙ ОБЗОР ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)

А. Х. Гильмитдинова

Институт археологии РАН, г Москва, Российская Федерация

К настоящему времени в отечественной историографии накопилось большое количество трудов, посвященных изучению элитных погребений раннего железного века степной полосы Евразии. До сих пор планомерно изучаются элитные и рядовые погребальные памятники на обширной территории расселения кочевых племен в Северном Причерноморье, Поволжье, Казахстане, Западной и Южной Сибири, Забайкалье, Северной Монголии, Южном Приуралье и в других регионах. Накапливаемые археологические материалы позволяют сформировать представление о наличии определенного «социального ранга» погребально-поминальных памятников, а также статуса погребенного. Но, несмотря на относительную изученность «элит» в кочевых обществах, некоторые вопросы в рамках этой темы нуждаются в более глубоком исследовании. Данная статья посвящена истории изучения элитных памятников ранних кочевников Южного Урала. В работе рассмотрены точки зрения и подходы исследователей, изучающие «элиты» в кочевых обществах, а также приведены критерии элитности, специально выделенные для кочевнических памятников южноуральского региона.

Ключевые слова: историография, социальная организация, кочевая «элита», Южный Урал, ранний железный век.

Древние богатые погребальные памятники всегда интересовали исследователей, и элитные захоронения ранних кочевников степной полосы Евразии не являются исключением. Изучение объектов, отличавшихся пышностью погребального обряда и превосходящих по «престижности» вещевое комплекса другие захоронения, оказало влияние на развитие представлений о многих аспектах истории кочевников, и уже длительное время является одной из наиболее распространенных тем в отечественной археологии [13, с. 71].

Исследования элитных погребальных комплексов имеет особое значение при реконструкции социальной структуры ранних кочевников. Даже с учетом многочисленных случаев ограбления богатых погребальных памятников, их изучение позволяет получить наиболее яркие материалы, благодаря которым становится возможным определение особенностей «элиты» и рассмотрение специфики социального устройства общества в целом.

Элитные памятники кочевников стали привлекать внимание исследователей уже с XVIII—XIX вв. В XIX веке основное внимание ученых было сконцентрировано на памятниках скифской эпохи, расположенных на территории современной Украины, а с прошлого века начал проявляться интерес к азиатским древностям.

Термин «элита» начинает входить в научный оборот только с конца 1980-х — начала 1990-х гг., постепенно заменяя ранее используемые понятия «князь», «царь», «вождь» и «аристократия». «Элитными» считались масштабные, по сравнению с рядовыми погребениями, археологические памятники. Затем, «элита» начала рассматриваться уже как социальная группа, позволяющая исследовать социально-политические процессы в контексте властных отношений в кочевом обществе [21, с. 9]. Достаточно

подробно понятие «элита» было рассмотрено в рамках круглого стола, организованного с целью обсуждения вопросов, связанных с погребальными комплексами кочевнической знати и определения их места в историко-культурном контексте скифо-сарматской эпохи степей Евразии [22].

История изучения элитных погребений ранних кочевников Южного Урала начинается с работ М. И. Ростовцева, который полагал, что курганы в оренбургских степях были оставлены «конными наездниками иранского происхождения», являющимися господствующим классом населения в классическую эпоху [12, с. 80—81].

Б. Н. Граковым с помощью археологических материалов производились попытки показать особое высокое положение женщин — «стрелков из лука, иногда конных» и «жриц» — в обществе савроматов. Он стремился проследить наличие пережитков этой особенности общественного устройства у сарматов, подтвердив тем самым преемственность в развитии этих кочевников и савроматов [2, с. 100—121].

К. Ф. Смирнов считал, что в среде ранних кочевников Южного Приуралья в VI—IV вв. до н. э. происходил интенсивный процесс социальной дифференциации и классовообразования. Кочевое общество Южного Приуралья постепенно расслаивалось на воинов (вождей и их военные дружины), жреческую прослойку и рядовых общинников-скотоводов [15, с. 88]. По его мнению, захоронения «аристократии» характеризуются обширными прямоугольными или квадратными грунтовыми могилами, ямами с дромосами и катакомбами; сложными надмогильными сооружениями; захоронениями младших родственников и стражников над основной могилой (и иногда в ее засыпке); расположением главного погребенного по диагонали могилы; захоронением боевого коня; разнообразием в погребальном ин-

вентаре, включающем оружие и золотые вещи [8, с. 170; 14, с. 198; 15, с. 84—88].

Так же как и многие исследователи, В. Н. Мышкин считает, что исследование социальной элиты общества является необходимым и важным условием понимания многих аспектов истории кочевников. «Элитой» он называет совокупность групп, принимающих стратегически важные решения, выполняющие основные значительные функции в обществе, получающих большое количество материальных и нематериальных ценностей [9, с. 219]. В своих исследованиях, он рассматривает погребальную обрядность как часть субкультуры социальной элиты кочевников, населявших степи Самаро-Уральского региона в VI—V вв. до нашей эры [8, с. 170]. В. Н. Мышкин выделял следующие критерии, маркирующие принадлежность умершего к элите: величина курганный насыпи; состав тризны и жертвоприношений; местоположение могилы в кургане; тип могилы и ее размеры; вид надмогильной конструкции; характер расположения умершего в могиле, его ориентировка по сторонам света; вид животного, принесенного в жертву; местоположение частей туши животных в могиле; количество и состав погребального инвентаря, включающего предметы социального престижа [8, с. 174]. Также, им было выделено пять видов элитных погребений, скорее всего, обусловленных многокомпонентным этнокультурным составом племен Самаро-Уральского региона [9, с. 223].

Относительно недавно вышел сборник [21], посвященный истории изучения элиты древних и средневековых кочевников Евразии, с отдельной главой, написанной Л. Т. Яблонским, посвященной элитным некрополям Южного Приуралья [23, с. 37—61]. Л. Т. Яблонский предполагал, что некоторые признаки погребального обряда и типологический состав сопровождающего инвентаря являлись маркерами погребений элитарной группы кочевников. К числу таких признаков, по его мнению, могут относиться: наличие в захоронении предметов, выполненных из драгоценных металлов; погребальное сооружение в большой могиленной яме с дромосом и деревянным перекрытием; предметы импорта в составе предметов сопровождающего инвентаря; следы жертвоприношений; курганы с большими насыпями; воинские захоронения с разнообразными и богато украшенными предметами вооружения; богатые женские захоронения с инвентарем, определяемым как жреческий.

Согласно Л. Т. Яблонскому, перечисленные признаки маркируют элитарный статус не только погребенного, но и целого могильника. При этом он пишет, что большие размеры всех курганов могильника не всегда являются отличительной чертой «элитарности». Таким примером может служить могильник Филипповка-1, в котором только две насыпи превышали 8 метров в высоту, но почти во всех погребениях могильника, даже при условии их ограбленности, были встречены предметы, выполненные из драгоценных металлов [16], которые и в это время считались показателями социального престижа.

Изучавший длительное время Филипповский могильник А. Х. Пшеничнюк полагал, что благодаря

размерам насыпей курганов и количеству сокровищ, содержащихся в погребениях, черты элитарного погребального обряда в материалах могильника проявляются в наиболее ярком и сконцентрированном виде [10; 11, с. 19; 16; 23, с. 50].

Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья и Западного Казахстана середины I тыс. до н. э. исследовал и С. Ю. Гуцалов [4, с. 91; 5, с. 72—79; 6, с. 51—66]. В одной из своих работ автор отмечал существование, изначально бросающихся в глаза, различий между так называемыми «бедными» и «богатыми» захоронениями. Помимо размеров курганных насыпей и могильных ям, что предполагает разный уровень трудозатрат, исследователь видел обрядовые элементы, типичные как для аристократии, так и для рядового населения. К погребальным традициям кочевой элиты он относил: мощные надмогильные деревянные сооружения, сопровождающие человеческие погребения, захоронения в насыпях лошадей, погребения на уровне древнего горизонта, устройство камерных могил, коллективные захоронения с южной ориентировкой покойников. Для курганов знати также характерно размещение в могилах большого количества заупокойного инвентаря, в том числе предметов социального престижа, включающих в себя блюда из драгоценных металлов, ритоны, гривны, жезлы, котлы и прочее. Погребения рядовых скотоводов отличаются от элитарных простотой конструкции земляных насыпей, незначительными «стандартными» размерами могил, западной ориентировкой умерших и т. д. [3, с. 55—59].

Считается, что в межэтнические контакты ранее всего вступают элитарные слои населения: правящие классы, аристократия. Л. Т. Яблонский полагал, что у элитарных слоев было гораздо больше возможностей ознакомиться и усвоить элементы иноэтнической культуры, «поскольку они выступали в качестве референтной группы по отношению к нижестоящим социальным слоям, весьма очевидно, что усвоение элитой новшеств сразу приобретает для последних престижное значение» [23, с. 46]. А. Д. Таировым была сформулирована гипотеза, что во второй половине V—IV вв. до н. э. на территорию Южного Урала в авангарде мигрирующих групп родственных племен, вероятнее всего, из Восточного Туркестана, шли именно элитарные группы, которые принимали активное участие в формировании культуры ранних кочевников Приуралья [18, с. 32; 19, с. 134—135; 20, с. 127, 164; 23, с. 46]. Вместе с волнами пришельцев с востока в конце V в. до н. э. на Южный Урал были привнесены такие традиции погребального обряда, как захоронения в подбоях с южной ориентировкой покойников, которые очень быстро стали своеобразным маркером высокого социального статуса [17, с. 143, 147, 151—152; 19, с. 135].

После рассмотрения точек зрения, касающихся вопроса элитных памятников ранних кочевников Южного Урала, стоит отметить, что, несмотря на разнообразие выделенных маркеров «элитности», существует присущий кочевой «знати» устойчивый набор признаков, который встречается почти во всех трудах, упомянутых в данной статье. К этим признакам относятся:

1) объем трудозатрат на возведение погребального сооружения (высота насыпи кургана, сложность внутримогильной конструкции);

2) характер расположения умершего в могиле и его ориентировка по сторонам света;

3) жертвоприношения (в том числе и человеческие);

4) наличие «престижных вещей» в погребении (в основном, предметы импорта, вещи из драгоценных металлов и предметы, выполненные в зверином стиле).

Согласно большинству исследователей, это одни из ключевых признаков, дифференцирующих погребальные памятники по степени «знатности». По мнению автора данной статьи, выделение набора признаков элитных погребений кажется недостаточным, и необходимо построить иерархическую систему маркеров и проследить по наличию/отсутствию каких из признаков «богатые» погребения будут отличаться от «рядовых» в большей, а по каким в меньшей мере, относительно других маркеров «знатности».

Многие признаки «элитарности» нуждаются в переосмыслении. Например, нам кажется вполне достоверной связь между объемами трудозатрат на возведение погребального сооружения с социальным статусом покойного. Однако, мы солидарны с мнением Л. Т. Яблонского, что отличительной чертой «элитарности» являются не только большие размеры курганов, а наличие в захоронениях вещей из драгоценных металлов или других предметов престижа. Но для подобных выводов, необходимо рассматривать весь могильник целиком, что, к сожалению, не всегда представляется возможным. Предметы престижа в погребениях ранних кочевников также нуждаются в более пристальном внимании исследователей, которые в первую очередь должны ответить на один из основных вопросов: какие предметы относятся к категории вещей, маркирующих кочевую элиту, помимо изделий из драгоценных металлов и предметов импорта?

К сожалению, остается еще много нерешенных вопросов, связанных с выделением признаков, отличающих элитные погребения от не-элитных. Л. К. Галанина отмечала, что ни один из перечисленных признаков «элитности» не является ни абсолютным, ни универсальным для обширной территории скифского мира [1, с. 77]. Например, высота курганов, по её мнению, могла изменяться в зависимости от географического и хронологического факторов. Отсюда следует, что для каждого региона, периода и времени существования, внутри каждой культуры должны быть выделены свои критерии «элитности», и, безусловно, что каждый из маркеров нуждается в отдельном специальном исследовании.

Литература и источники

1. Галанина, Л. К. О критериях выделения «царских» курганов раннескифской эпохи / Л. К. Галанина // *Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху*. — СПб., 1994. — С. 76—81.

2. Граков, Б. Н. *ГΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ: пережитки матриархата у сарматов* / Б. Н. Граков // *Вестник древней истории*. — 1947. — № 3. — С. 100—121.

3. Гуцалов, С. Ю. Скифы на Южном Урале / С. Ю. Гуцалов // *Этнопанорама*. — 2001. — № 1. — С. 55—59.

4. Гуцалов, С. Ю. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н. э. / С. Ю. Гуцалов // *Археология, этнография и антропология Евразии*. — 2007. — № 2 (30). — С. 75—92.

5. Гуцалов, С. Ю. Погребение знатного кочевника скифского времени в урочище Илекшар (Южное Приуралье) / С. Ю. Гуцалов // *Российская археология*. — 2009. — № 3. — С. 72—79.

6. Гуцалов, С. Ю. Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане / С. Ю. Гуцалов // *Российская археология*. — 2010. — № 2. — С. 51—66.

7. Гуцалов, С. Ю. Этнокультурная специфика могильника Кырык-Оба II / С. Ю. Гуцалов // *Российская археология*. — 2011. — № 1. — С. 81—96.

8. Мышкин, В. Н. О субкультуре элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI—V веках до нашей эры / В. Н. Мышкин // *Нижегородский археологический вестник*. — 2010. — № 11. — С. 170—190.

9. Мышкин, В. Н. Типы погребального обряда социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI—V вв. до н. э. / В. Н. Мышкин // *Известия Самарского научного центра РАН*. — 2013. — № 1. — Т. 15. — С. 219—225.

10. Пишеничнюк, А. Х. Раскопки «царского» кургана на Южном Урале: препринт докл. / А. Х. Пишеничнюк. — Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. — 32 с.

11. Пишеничнюк, А. Х. Филипповка: некрополь кочевой знати IV века до н. э. на Южном Урале / А. Х. Пишеничнюк. — Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. — 280 с.

12. Ростовцев, М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма / М. И. Ростовцев // *Материалы по археологии России*. — Петрозаводск: Десятая гос. тип., 1918. — № 37. — 124 с.

13. Серегин, Н. Н. Элита раннесредневековых тюрок Саяно-Алтая (по материалам погребальных комплексов) / Н. Н. Серегин // *Краткие сообщения Института археологии*. — 2013. — Вып. 229. — С. 71—84.

14. Смирнов, К. Ф. Сарматы. Ранняя история и культура сарматов / К. Ф. Смирнов. — М.: Наука, 1964. — 360 с.

15. Смирнов, К. Ф. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время / К. Ф. Смирнов // *Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала*. — Уфа: БФАН СССР, 1981. — С. 68—91.

16. *Сокровища сарматских вождей (материалы раскопок Филипповских курганов)*. — Оренбург: Димур, 2008. — 144 с.

17. Таиров, А. Д. К вопросу о формировании раннесарматской прохоровской культуры / А. Д. Таиров, А. Г. Гаврилюк // *Проблемы археологии урало-казахстанских степей*. — Челябинск: Башкир. гос. ун-т, 1988. — С. 141—159.

18. Таиров, А. Д. Ранние кочевники Урало-Казахстанских степей в VII—II вв. до н. э.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — М., 2005. — 32 с.

19. Таиров, А. Д. Кочевники Восточного Туркестана и формирование раннесарматской культуры Южного Урала / А. Д. Таиров // *Вестник древней истории*. — 2006. — № 1. — С. 132—140.

20. Таиров, А. Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII—VI вв. до н. э. / А. Д. Таиров. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. — 274 с.

21. Элита в истории древних и средневековых народов Евразии / отв. ред. П. К. Дашковский. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. — 330 с.

22. Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху // *Материалы заседаний «круглого сто-*

ГИЛЬМИТДИНОВА Алина Харисовна, аспирант, Институт археологии РАН (г. Москва). E-mail: melnichuk.alina@mail.ru

Поступила в редакцию 29 мая 2018 г.

DOI: 10.14529/ssh180303

ELITE BURIALS OF THE EARLY NOMADS IN THE SOUTHERN URALS (BRIEF REVIEW OF RUSSIAN HISTORIOGRAPHY)

A. Kh. Gilmitydinova, melnichuk.alina@mail.ru
Institute of archaeology of RAS, Moscow, Russian Federation,

A great deal of studies focused on the Early Iron Age nomadic elite groups in Eurasian steppes has been accumulated in the Russian historiography. Until now, elite and ordinary funerary monuments have been systematically studied across the vast territory from the North Black Sea Area to Northern Mongolia through the Volga river area, Southern Urals, Kazakhstan, Western and Southern Siberia and Trans-Baikal area. Obtained archaeological materials allow us to suggest an idea of the existence of the certain «social rank» of funeral and memorial sites, as well as the vertical social status of the buried. However, some issues within this topic still remain unexplored. This article concerns the history of studying the Early nomadic elite monuments in the Southern Urals. The paper examines points of view and approaches to the study of the «elite» in nomadic societies, as well as criteria for determination of the elite nomadic monuments in South Ural region.

Keywords: historiography, social organization, nomadic elite, the South Urals, Early Iron Age.

References

1. Galanina, L. K. O kriterijah vydelenija «carskih» kurganov ranneskifskoj jepohi [About criteries of singling out «royal» mounds of the Early Scythian epoch] // Jelitnye kurgany stepej Evrazii v skifo-sarmatskuju jepohu [Elite mounds of the Eurasian steppes in the Scythian-Sarmatian epoch]. Spb., 1994. Pp. 76—81.
2. Grakov, B. N. GYNAIKOKPATOMENOI: Perezhitki matriarhata u sarmatov [Remnants of matriarchy in Sarmatians' society] // Vestnik drevnej istorii [Bulletin of the ancient history]. 1947. № 3. Pp. 100—121.
3. Gucalov, S. Ju. Skify na Juzhnom Urale [Scythians in the Southern Urals] // Jetnopanorama. 2001. № 1. Pp. 55—59.
4. Gucalov S. Ju. Pogrebal'nye pamjatniki kochevoj jelity Juzhnogo Priural'ja serediny I tys. do n. je. [Funeral monuments of the nomadic elite of the Southern Ural in the middle of the 1st millennium BC.] // Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii [Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia]. 2007. № 2 (30). Pp. 75—92.
5. Gucalov, S. Ju. Pogrebenie znatnogo kochevnika skifskogo vremeni v urochishhe Ilekshar (Juzhnoe Priural'e) [Burial of a noble nomad of Scythian time in the Ilekshar area (Southern Urals)] // Rossijskaja arheologija [Russian archaeology]. 2009. № 3. Pp. 72—79.
6. Gucalov, S. Ju. Pogrebal'nye sooruzhenija mogil'nika Kyryk-Oba II v Zapadnom Kazakhstane [Funeral constructions of the burial ground Kyryk-Oba II in Western Kazakhstan]. Rossijskaja arheologija [Russian archaeology]. 2010. № 2. Pp. 51—66.
7. Gucalov, S. Ju. Jetnokul'turnaja specifika mogil'nika Kyryk-Oba II [Ethnocultural specificity of the burial ground Kyryk-Oba II] // Rossijskaja arheologija [Russian archaeology]. 2011. № 1. Pp. 81—96.
8. Myshkin, V. N. O subkul'ture jelity kochevnikov Samara-Ural'skogo regiona v VI—V vekah do nashej jery [About the subculture of the nomads' elite of the Samara-Ural region in the VI—V centuries BC] // Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik [Lower Volga archaeological bulletin]. 2010. № 11. Pp. 170—190.
9. Myshkin, V. N. Tipy pogrebal'nogo obrjada social'noj jelity kochevnikov Samara-Ural'skogo regiona v VI—V vv. do n. je. [Types of funeral rites of the nomads' social elite of the Samara-Ural region in the VI—V centuries BC] // Izvestija Samar-skogo nauchnogo centra RAN [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2013. № 1. T. 15. Pp. 219—225.
10. Pshenichnjuk, A. H. Raskopki «carskogo» kurgana na Juzhnom Urale: preprint dokl. [Excavation of the «royal» mound in the Southern Urals]. Ufa, 1989.
11. Pshenichnjuk, A. H. Filippovka: Nekropol' kochevoj znati IV veka do n. je. na Juzhnom Urale [Filippovka: Necropolis of the nomadic nobility of IV century BC in the Southern Urals]. Ufa: IIA L. UNC RAN, 2012. 280p.
12. Rostovcev, M. I. Kurgannye nahodki Orenburgskoj oblasti jepohi rannego i pozdnego jellinizma [Kurgan finds of the Orenburg region of early and late Hellenism] // Materialy po arheologii Rossii [Materials on archeology of Russia]. № 37. Petrograd, 1918. 124 p.
13. Seregin, N. N. Jelita rannesrednevekovyh tjurok Sajano-Altaja (po materialam pogrebal'nyh kompleksov) [The elite of the early medieval Turks of the Sayano-Altai (based on the materials of the funeral complexes)] // Kratkie soobshhenija Instituta arheologiji [Brief reports of Institute of archaeology]. 2013. Vyp. 229. Pp. 71—84.

14. Smirnov, K. F. Savromaty. Rannjaja istorija i kul'tura sarmatov [Savromatians. Early history and culture of sarmatians]. Moscow: «Nauka», 1964. 360 p.
15. Smirnov, K. F. Bogatye zahoronenija i nekotorye voprosy social'noj zhizni kočevnikov Juzhnogo Priural'ja v skifskoe vremja [Rich burials and some questions of the social life of nomads of the Southern Urals in the Scythian period] // *Materijal'nyj po hozjajstvu i obshhestvennomu stroju plemen Juzhnogo Urala* [Materials on the economy and the social system of the tribes of the Southern Urals]. Ufa, 1981. Pp. 68—91.
16. Sokrovishha sarmatskikh vozhdzej (Materijal'nyj raskopok Filippovskikh kurganov) [Treasures of Sarmatian leaders (Materials of the excavations of the burial mounds of Philippovka)]. Orenburg: Pechatnyj dom «Dimur», 2008. 144 p.
17. Tairov, A. D. Gavriljuk, A. G. K voprosu o formirovanii rannesarmatskoj prohorovskoj kul'tury [Towards the question of the formation of the Early Sarmatian culture] // *Problemy arheologii uralo-kazahstanskih stepej* [Problems of Archeology of the Ural-Kazakh Steppes]. Cheljabinsk: Bashkir. Gos. un-t, 1988. Pp. 141—159.
18. Tairov, A. D. Rannie kočevniki Uralo-Kazahstanskih stepej v VII—II vv. do n. je. [Early nomads of the Ural-Kazakhstan steppes in VII—II centuries. BC]: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. M., 2005. 32 p.
19. Tairov, A. D. Kočevniki Vostochnogo Turkestana i formirovanie rannesarmatskoj kul'tury Juzhnogo Urala [Nomads of Eastern Turkestan and the formation of the Early Sarmatian culture of the Southern Urals] // *Vestnik drevnej istorii* [Bulletin of the ancient history]. 2006. № 1. Pp. 132—140.
20. Tairov, A. D. Kočevniki Uralo-Kazahstanskih stepej v VII—VI vv. do n. je. [Nomads of the Ural-Kazakhstan steppes in VII—VI centuries. BC]. Cheljabinsk: Izd-vo JuUrGU, 2007. 274 p.
21. Jelita v istorii drevnih i srednevekovykh narodov Evrazii [Elite in the history of ancient and medieval peoples of Eurasia]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2015. 330 p.
22. Jelitnye kurgany stepej Evrazii v skifo-sarmatskuju jepohu [Elite mounds of the Eurasian steppes in the Scythian-Sarmatian epoch] *Materijal'nyj zasedanij «kruglogo stola» 22—24 dekabrja 1994 g. Sankt-Peterburg* [Materials of the round table sessions December 22—24, 1994] // *Arheologičeskie izyskanija* [Archaeological investigations]. Vyp. 18. SPb, 1994. 132 p.
23. Jablonskij, L. T. Jelitarnaja subkul'tura rannih kočevnikov Juzhnogo Priural'ja i mehanizmy formirovanija rannesarmatskoj kul'tury [Elite subculture of the early nomads of the Southern Urals and the mechanisms of formation of the Early Sarmatian culture] // *Jelita v istorii drevnih i srednevekovykh narodov Evrazii* [Elite in the history of ancient and medieval peoples of Eurasia]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2015. Pp. 37—61.

Received May 29, 2018

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Гильмитдинова, А. Х. Элитные погребения ранних кочевников Южного Урала (краткий обзор отечественной историографии) / А. Х. Гильмитдинова // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки»*. — 2018. — Т. 18, № 3. — С. 22—26. DOI: 10.14529/ssh180303

FOR CITATION

Gilmitdinova A. Kh. Elite burials of the early nomads in the Southern Urals (brief review of russian historiography). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2018, vol. 18, no. 3, pp. 22—26. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh180303